

DOI: 10.31857/S086919080016492-8

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ И САМОИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ТЕРМИНЫ УДИН-ХРИСТИАН ПО МАТЕРИАЛАМ АРМЯНСКИХ И УДИНСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

© 2021

Г.С. ХАРАТЯН ^a

^a – Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения
ORCID: 0000-0003-4762-6409; hkharatyan@gmail.com

Резюме: После упразднения второго царства Кавказской Албании, сопровождавшегося процессом исламизации ее народов, остатки христиан-албан, сохранявших албанскую идентичность до XVIII в., были сконцентрированы в северо-западной части бывшей Албании – на территории исторических областей Шеки и Кабала. Эти области являлись религиозными и светскими центрами Албании античного и раннесредневекового времени, а также периода второго Албанского царства. Созданный в VII веке миф – нарратив об апостоле Егише в Албании – способствовал «национализации» христианства в регионе Шеки–Кабала. Параллельно с исламизацией и потерей общей албанской идентичности у исламизированных кавказоязычных групп постепенно вырисовывались процессы становления узко-этнического «я», «мы» и значительное количество разнообразных названий, близких к этнонимам. Христианско-албанское же самовосприятие вплоть до XVIII в. было сконцентрировано у хранителей культа апостола Егише. Наиболее ярко выраженной группой с албанской идентичностью были удины, являвшиеся одними из основных представителей населения Шеки-Кабалинского региона. В течение XVIII в. большинство удин было насильственно исламизировано и в отличие от исламизированных албанских народов ассимилировано. В среде остатков христиан-удин отпала культурно-политическая важность «албанского национально-религиозного диссидентства», возникли новые процессы самоопределения, приведшие к разнородным групповым этно-религиозным примыканиям. Религиозная общность с Армянской церковью и армянским народом отразилась в простонародном удинском слове *китон* и литературном армянском слове *лусаворчакан*. Фиксируемыми в печатных письменных источниках, а в случае удин-последователей Армянской апостольской церкви также в эпитафиях формулировками «утиязычное племя армянского вероисповедания», «хай уди» (армянский удин) и «гюрджи уди» (грузинский удин) подчеркивался удинский компонент, удинская часть конфессионального целого через этнонимическую терминологию. Этнонимические обозначения «ути/уди», «утиязычное племя», «утиязычная нация» отражали собственно узкую этническую принадлежность. В удинском языке отсутствует слово, маркирующее этничность – эквивалент слов «народ», «нация», их заменяют заимствованные из тюркского языка слова *xalq*, *milleti*.

Ключевые слова: Кавказская Албания, Шеки, Кабала, апостол Егише, Армянская церковь, тюркоязычные удины, исламизация.

Для цитирования: Харатян Г.С. Идентификационные и самоидентификационные термины удин-христиан по материалам армянских и удинских письменных источников. *Восток (Orient)*. 2021. № 5. С. 116–128. DOI: 10.31857/S086919080016492-8

IDENTIFICATION AND SELF-IDENTIFICATION TERMS OF UDI-CHRISTIANS BASED ON MATERIALS OF ARMENIAN AND UDI WRITTEN SOURCES

© 2021

Hranush S. KHARATYAN ^a

^a – Institute of Archeology and Ethnography,
National Academy of Sciences of RA, Yerevan, Armenia
ORCID: 0000-0003-4762-6409; hkharatyan@gmail.com

Abstract: After the abolition of the second kingdom of Caucasian Albania, accompanied by the process of Islamization of its peoples, the remaining Christian Albanians, who retained their Albanian identity until the 18th century, were concentrated on the territory of the historical regions of Shaki and Kabala. Created in the 7th century, the myth about the Apostle Yeghishe contributed to the “nationalization” of Christianity in the Shaki–Kabala region in Albania. In parallel with islamization and the loss of a common Albanian identity, among the islamized Caucasian-speaking groups of Albanians, processes of the formation of a narrow ethnic “me”, “we”, and a significant number of various names close to ethnonyms gradually emerged. The Christian-Albanian identity of the Christian part of the population was concentrated among the worshipers of the Apostle Yeghishe Albanian Christianity up to the 18th century. The most visible group with the Albanian identity were the Udins. During the 18th century most of them were forcibly islamized and assimilated. Among the remaining Christian Udins, the cultural and political importance of the “Albanian national-religious dissidence” disappeared, and new processes of self-determination emerged, leading to multi-level group ethno-religious loyalties. Religious commonality with the Armenian Church and the Armenian people was reflected in the common Udi word *qshton* and the literary Armenian word *lusavorchakan*. Ethnonymic designations “uti/udi”, “Udin-speaking tribe”, “Udin-speaking nation” reflected their own narrow ethnic belonging. In the Udi language, there is no word that marks ethnicity – the equivalent of the words “people”, “nation”, they are replaced by words *xalq*, *milleti* borrowed from the Turkic language.

Keywords: Caucasian Albania, Sheki, Kabala, Apostle Yeghishe, Armenian Church, Turkic-speaking Udis, Islamization.

For citation: Kharatyan H.S. Identification and Self-Identification Terms of Udi-Christians Based on Materials of Armenian and Udi Written Sources. *Vostok (Oriens)*. No. 5. Pp. 116–128. DOI: 10.31857/S086919080016492-8

Вплоть до XVIII в. на севере современного Азербайджана преобладало местное кавказско-албанское население в лице мусульман-суннитов – лезгин, цахуров, рутулов, аварцев, ингилойцев, хапутлинцев, джеков, крызов, хиналугцев и др., а также удин-христиан. Отдавая дань скептицизму о более или менее точной этнической идентификации и локализации современных этнонимов и этнонимов XVIII века с этнонимами тысячелетней и более древней давности, а также проблемному вопросу прямой преемственности не всегда ясных этно-языковых идентификационных названий населения бывшей Кавказской Албании [Аликберов, 2015, с. 129–147], укажу только, что для данной статьи вполне достаточен контурный консенсус в понимании топографии, этнонимии и названий северо-западной части Кавказской Албании – Шаки (в совр. транскрипции – Шеки) и Кабалы. В их локализации разногласий нет.

В регионе Шаки и Кабалы в начале XVIII в. большинство населения составляли христиане, в частности, удины с примесью пришлого с юга армянского населения. Такой расклад имел свои предпосылки из-за особенного значения регионов Шаки и Кабалы в политико-религиозной жизни раннесредневековой Кавказской Албании и в период второго царства Албании IX–XI вв.

Известно, что духовный центр в дохристианской Албании был в зоне Шаки, где располагалась храмовая область Селены-Анахиты во главе с верховным жрецом – вторым лицом после царя Албании [Strab. XI. IV. 7], а светский центр – в столице Кабале (лат. Cabalasa, греч. Χαβαλα; арм. Карапак/Չիսիշիսիկ) вплоть до образования Албанского марзпанства в V в. и появления новой столицы – города Партав. В VII в. при албанском католикосе Егиазаре (680–686), бывшим епископом Шаки, при попытке освобождения от юрисдикции армянского католикосата была создана легенда, нарратив новой версии о распространения христианства в Албании [Акопян, 1987, с. 196–199]. Согласно этой легенде, христианство в Албании было распространено не через Армению, как повествовала христианская традиция с IV в., а собственным путем, через «албанского», отличного от Армении и армян, апостола Елиша (в армянских источниках – Եղիշե, Elishe, Егише; ивр. עֲלִישָׁה – Элиша), пришедшего непосредственно из Иерусалима в I веке, минуя Армению: «С тремя учениками он прибыл в гавар Ути... в Гисе построил церковь и отслужил обедню. На этом месте была основана наша, Восточного края, церковь. И стало [то место] духовной столицей и местом просвещения жителей Востока» [Каланкатуаци, 1984, гл. I, 6, с. 25–26]. В опубликованной в 1991 г. статье я пыталась показать, что в данном сообщении Каланкатуаци «гавар Ути» соответствует региону Шаки, где и поныне находятся сакрализованные места деятельности апостола Егише [Аракелян (Харатян), 1991, с. 69–86].

Созданная легенда о «собственном апостоле» в определенном смысле «албанизировала» распространение христианства в Албании, создавая предпосылки для независимости Албанской апостольской церкви. В дальнейшем, независимо от степени зависимости и/или свободы собственно Албанского католикосата, роль Шаки и нарратив об апостоле Егише помимо других начинаний приобрели сильные социокультурные и даже этноцентрические функции среди христиан-албан. Слово «апостол», по-армянски *аракйал* (этимологически от слова *аракел* [ափսֹղի] – «послать, посылать, отправлять, переслать, пересылать», в церковном языке – «апостол», греч. ἀπόστολος – «посол, посланник, представитель»), со временем стало и антропонимом Аракел, а апостол Елиша в народной речи стал известен, как Егиш Аракел. Названные в нарративе места деятельности Елиша сакрализовались и стали играть заметную роль в религиозных практиках албан. Памятники и церкви Егише Аракела были распространены в ареале левобережья Куры, в особенности в регионах Шаки, Кабалы и Ареша. До сих пор среди удин передаются фольклорные рассказы о Егише Аракеле, но в устном нарративе бывший апостол этнизирован – удинизирован [Харатян, 2001, с. 49–61; 2010, с. 19–75; Харатян-Аракелян, 2010, с. 435–495].

В X в., в период второго Албанского царства, несмотря на арабское владычество, в зоне Шаки–Кабала ислам и исламская культура, по сути, не были доминантами, как, впрочем, и на других соседних территориях (Кахети, Ширван). Об этом свидетельствуют как арабские, так и грузинские, и армянские источники. Например, ал-Масуди (ок. 896–956), будучи в X в. в упомянутом регионе, писал: «За ним (Самсхи)... лежит царство Санария [Кахетия. – Г.Х.]... Они христиане... За царством Санар идет Шакин, жители которого христиане, но среди них есть и мусульмане, а именно купцы и, помимо них, ремесленники... Царем шакийцев, когда мы писали эту книгу, был сын Амама Адарнасе... Затем идет царство Кабала, где городские жители мусульмане, а те, кто живет в поселениях и поместьях, – христиане» [Минорский, 1963, с. 210–211]. Ал-Муккадаси (946 – ок. 1000), перечисляя и характеризуя

поселения Аррана (Албании), о Шаки писал, что там «преобладают христиане, мечеть – на мусульманском рынке», в Кабале «соборная мечеть – далеко, на холме», а в Шабаране «преобладают христиане» [ал-Мукаддаси, 1994, с. 303].

Христианские писатели того времени даже не обсуждают христианско-исламские религиозные разногласия, ибо в кавказском регионе продолжал быть доминантным внутрехристианский религиозный дискурс между халкидонитами (монофизитами) и антихалкидонитами, а в Кавказской Албании продолжали конкурировать грузинское халкидонство (монофизитство) и армянское антихалкидонство. Албания-Арран продолжала быть антихалкидонской под юрисдикцией Армянской церкви, и именно в Шаки нашел приют от притеснений арабов армянский католикос Иованес Драсханакертци (898–929). В сочинении «История Армении», описывая свой побег от арабов, Драсханакертци пишет: «... прибыл в край Восточный – Алванк к великому ишхану Сааку и к царю их Атрнерсеу, что на северо-востоке Кавказа, ибо и они из нашего народа и паства пажити нашей... Оттуда мы удалились в пределы Гугарка и там поселились, уповая, что Господь дарует нам спасение» [Драсханакертци, 1986, гл. XLIV, с. 162]. Очевидно, что католикос прибыл в Шаки-Камбеджан, где в 910 г. сын hАмама-Григора Барепашта Атрнерсеh из рода Багратуни стал царем. Драсханакертци словами «ибо и они из нашего народа и паства пажити нашей» без сомнения имел в виду то, что в Восточном крае – Алванке, в частности в Шаки, жили единоверцы-антихалкидониты или, что в данном случае одно и то же, христиане армяно-григорианского вероисповедания. Это подтверждается также письмом Константинопольского Патриарха Николая к Драсханакертци: «Полагаю, что для тебя, владыка мой боголюбивый, не остались сокрытыми глубокая печаль и великая скорбь нашего сердца о всей твоей пастве верующих в Армении, Вирке и Алванке... Я, низжайший, поторопился прежде всего дать Вам в письме небольшой дружеский совет. В связи с этим мы отправили письма также куропалату¹ и начальнику абхазов, убеждая их слушаться Ваших советов, забыть взаимные столкновения, обратить взоры к дружбе, единству, согласию и миру друг с другом и со всеми ишханами Армении и Алванка и, объединившись, бороться против нечестивого врага – сыновей Апусеча» [Драсханакертци, 1986, с. 188]. Драсханакертци пишет о солидарности кавказских народов в борьбе против арабов, передавая также этническую составную этих народов: «Теперь я продолжу свое повествование дальше речами горестными и скорбными, ибо соседи наши и народы, что вместе с нами², греки и егеры, гугарийцы и утийцы, проживающие у подножья Кавказа северные племена, полагая, что сумеют лишить злого остикана³ повода вторгнуться к ним» [Драсханакертци, 1986, с. 182]. Упомянутые католикосом «соседи наши», – это надо полагать, названные им «греки и егеры», а под «народами, что вместе с нами», скорее всего, следует понимать единоверных с армянами «гугарийцев и утийцев, проживающие у подножья Кавказа северные племена», ибо, как пишет католикос, «и они из нашего народа и паства пажити нашей». Названия «гугарийцы и утийцы» (Գուգարացիք և Սուխացիք / Gugarats'ik' yev Uteats'ik'), без сомнения, этнонимические обозначения.

В X в. среди правителей второго царства Кавказской Албании вновь возобновились попытки выхода из юрисдикции армянского католикосата, но в данном случае не через

¹ Имеется в виду царь Тао-Кларджети – Атрнерсеh.

² М.О. Дарбинян-Меликян этот отрывок («...ղրացիք մեր և ազգք որ շուրջ գնդք են՝ Յունականք և Եգերացիք և Գուգարացիք և Սուխացիք, հիւսիսական ազգք բնակեալք ան ոտանքն Կովկասու...») перевел, как «...соседи наши – народы, что живут окрест нас: греки и егеры, гугарийцы и утийцы, [а также] проживающие у подножья Кавказа северные племена» [Драсханакертци, 1986, с. 182]. Правильнее будет: «...ибо соседи наши и народы, что вместе с нами (или «народы нашего окружения») – греки и егеры, гугарийцы и утийцы, проживающие у подножья Кавказа северные племена».

³ Католикос имел в виду арабского наместника Армении, сажидского эмира Йусуфа ибн Абу-с-Саджа (ум. 928). Остикан (из ср.-перс.) – «доверенный», «лицо, близкое к царю» [Тер-Гевондян, 1962, с. 247].

«национализацию» Албанской церкви, а через халкидонизацию/грузинизацию. Очевидно, что это была грузинская инициатива. По грузинским источникам, в X в. жена князя Шаки (Эрети) Атрнерсеа Баградуни Динар «из ереси [«еретиками» грузинские источники называли антихалкидонитов, в данном случае армян и албанов, эров. – Г.Х.] обратила в православную веру» [Меликсет-Бек, 1934, с. 16–17]; «в Эрети до царствования Ишханика первоначально все были еретиками. А Ишханик был племянником эристава эриставов Гургена, и мать его царица Динар обратила [его] в православие» [*Летопись Картли*, 1982, с. 266]; «до Ишханика Эрети был еретическим. А Ишханик был племянником эристава эриставов Гварама, сестра Гварама царица Динар обратила тот Эрети в православие» [Melikset-Beck, 1934, p. 98, 201].

Царице Динар помогали сменившие друг друга албанские католикосы Сахак (929–947) и Гагик (947–958), однако выбранному в 946 г. армянскому католикосу Анания Мокаци (946–968) удается пресечь попытки перехода «дома Албанского» в халкидонство [Анания, 1897]. Тем не менее находящиеся в соседстве с Грузией в Эрети (Шаки) албаны-халкидониты, которых, очевидно, было немало, по мнению Н.Я. Марра, огрузинились и вошли в состав Кахети [Марр, 1906, с. 6–7]. По удинскому субстрату в ингилойском диалекте грузинского языка В. Гукасян предположил, что ингилойцы, проживающие ныне чересполосно с аварцами, цахурами и азербайджанцами в Закатальском, Кахском и Белоканском районах Азербайджанской Республики, являются наследниками перешедших в X в. в халкидонство и огрузинившихся удин [Гукасян, 1981, с. 101–108].

Конкуренция между армянской и грузинской церквями продолжалась и позднее. В начале XIV в. фиксируется еще одна волна активизации грузинской церкви, о чем свидетельствует грузинская памятная запись от 1310 г., обрисовывающая территорию распространения диофизитства: «Когда блаженный наш патриарх посетил в Кахети Анцухскую епархию, оттуда перешел в Цахур, Как-Элисенэ и посетил храмы Троицы в Касри, Богородицы в Куме, святой равноапостольской Нино в Лекарте, святого великомученика Георгия в Зари, святого Або в Вардиане, Арчила в Ганухе, Богородицы в Киш-Нухе, Елисея в Вардашене, святого апостола Петра в Та[ба]саране, а также храмы Хунддзов, Нахчов, Тушети, Некреси, Лагоети, Белакана, Мадж-Пипинети...» [Мурадян, 2015, с. 237]. Однако в начале XV в. вновь активизируется Албанский антихалкидонский католикосат: на территории Шаки, близ удинского центра Варташен, в селе Чалет учреждается второй Албанский католикосат [Карапетян, 1982, с. 158], который почти столетие действовал параллельно с Гандзасарским престолом [Балаян, 2015, с. 252–260].

Несмотря на сложную военно-политическую ситуацию и полные вторжениями предыдущие столетия, общая этническая картина Шакийско-Кабалинского региона существенно не изменилась [Крымский, 1938, с. 383–384; Петрушевский, 1949, с. 10, 11, 137, 138]. Но среди местных кавказско-албанских (восточнокавказских) народов продолжался медленный процесс исламизации в его суннитской форме вплоть до начала Сефевидских завоеваний под флагом распространения шиизма в нач. XVI в. Происходивший процесс распространения суннизма глубоко не затронул этноидентичность местных народов, сохранялись местные этнонимы, в т.ч. многочисленные экзоэтнонимы [Харатян, 2015, с. 160–172].

Несмотря на процесс исламизации, вплоть до XVIII в. основная часть удин оставалась приверженцами христианства и, как увидим, последними носителями албанской идентичности и хранителями культа апостола Егише. А.А. Акопян не без основания полагает, что вокруг удин консолидировались и постепенно ассимилировались остатки христианского населения – представителей других народов, родственных албанам [Акопян, 2015, с. 129–147]. Правда, он этот процесс прослеживает до периода ослабления Арабского халифата, но исламизация народов бывшей Кавказской Албании, без сомнения, продолжалась и позже,

постепенно уменьшая количество христиан-албан. Думается, параллельно с постепенной исламизацией продолжалась и определенная консолидация христианских осколков кавказских албан. Вместе с тем в XVIII в. под влиянием существовавшей традиции воспринимать древних албан и других факторов (прежде всего, изменения самоидентификации и самосознания) наблюдается процесс отказа причислять исламизированных потомков албан к кавказским албанам.

К XVIII в. восприятие «албанов» сузилось в пределах зоны Шеки–Кабала, и в роли представителей албанов воспринимались исключительно удины-христиане. Так, католикос армян Симеон Ереванци (1763–1780) в ответ на запрос грузинского царя Ираклия, кто такие албаны отвечает, что в данный момент из албан остались только удины: «... որպէս իմանամք ի գրող և ի լրող, բնիկ Աղուանքն վերացեալ են ի Ղանդահար ի պղծոյն Լանկթամուրայ, որք այժմ կան անդ տաճկական հաւատով... Բսկ սակաւքն ի նոցանէ, որք մնացեալ են ի բնիկ երկիրն իւրեանց գոն այժմ Քրիստոնէական հաւատով, որք ուտիք կոչին» [*Памятник Католикоса Симеона*, 1894, с. 418] («...как узнал из письменных и устных источников, коренные албаны увезены нечестивым Ленктемуром в Кандагар, где они и ныне есть в мусульманской религии, ... а малая их часть, что осталась в своей родной стране, ныне христиане и называются утийцами»). Микаэл Чамчянц (1738–1823) в связи нашествием в 1722 г. «лезгин» на Шеки писал: «...им оказали сопротивление из страны утийцев и гугарийцев... где владел некий князь Ованес...» [Чамчянц, 1786, с. 784]. Согласно М. Чамчянцу, «страна утийцев и гугарийцев есть Шаки». Касательно идентификации Шеки с Гугарком он писал: «Գուգարք-գաւ ոմանք կոչեն շաքի կամ շէրի... Այս որ գուգարաց աւի, ևս ինէլ ՚ի սահմանակցութեան Աղուանից և համարիւր մասն Աղուանից և այս վսկ՝ զի է առ երի ուտի երկիրն, որ յամարիւր մասն Աղուանից...» [Чамчянц, 1786, с. 142] («Гугарк – некоторые его зовут Шаки или Шеки... То, что называется Гугарком, имел границы с Албанией и считался частью Албании, и это из-за страны Ути, что считается частью Албании»). А Гевонд Алишан (1820–1901) в «Топографическом описании Великой Армении», перечисляя народы Закавказья, после армян, грузин и татаров называет «անդ և մնացորդք Աղուանից կամ Ուտիացիք, մերձակիցք Հայոց» («там же и близкие к армянам утийцы – остатки албан») [Алишан, 1855, с. 21].

Сложившееся равновесие мирных отношений между местными суннитами и христианами, а также местного мусульманского и христианского населения с Сефевидской властью в лице шиитов-кызылбашей, нарушилось турецко-персидской войной 1723–1727 гг. и вторжением османов на Южный Кавказ. Из «Челобитной удийцев к Петру I» от 20 марта 1724 г. явствует, что существовавшие этно-религиозные отношения на территории бывшей Кавказской Албании не отвечали политическим и этнокультурным интересам османов. В челобитной удины обращаются к императору с просьбой о помощи против насильственной исламизации, ибо «неверные сожгли наши церкви, причинили нам много зла из-за нашей веры... священников убили... женщин с детьми увели в плен... Соборы обезлюдели... а мы, оставшиеся, ни живы, ни мертвы... тайно нашу веру хранили, но нас заставляют быть турками...». Авторы письма представляются «Մէք աղուվամք էմք և ազգով Ուտիք: Եղիշէի ամաբելոյն քարոզութեամբն մեր նախնիքն աստուած հաւատացեալք են. սուրբ ամաբելոյն նահատակութեան դեղիքն առ մեզ է» («Мы албанцы, по нации утийцы. Благодаря проповеди апостола Егише наши предки уверовали в Бога. Места мученической кончины святого апостола [находятся] у нас»), и просят помощи «всем верующим армянам» [*Армяно-русские отношения*, 1967, с. 90–91]. Спустя три месяца 5 февраля 1725 г. архимандритом Мартиросом отправляется сообщение к грузинскому царю Вахтангу VI о том, что насильственная исламизация местного христианского населения продолжается: «37 деревень Кабалы разрушили.... Отюречили также села страны Шаки» [Эзов, 1898,

с. 388–389; *Армяно-русские отношения*, 1967, с. 231]. Христиане «из Кабалинской страны» еще раз обращаются к Петру I 28 октября 1725 г. Данное письмо зарегистрировано как «Послание армянских старшин шести деревень Петру I о скорейшей присылке войск» [*Армяно-русские отношения*, 1967, с. 263–264]. Это были известные удинские деревни Нидж, Джорлу, Бум, Сеид-Тала, Мехлуговах, Тосик. Обозначение при регистрации письма удин «армянами» исходило из традиции отождествления религиозной идентичности с этнической. В послании сообщается: «...все наши деревни и Шакийскую страну насильственно отюречили. Наши письма и церкви сожгли, наших священников перебили. Многие ради веры своей погибли. Теперь днем мы – турки, ночью – армяне» [*Армяно-русские отношения*, 1967, с. 264].

Очевидно, что в данном случае исламизация не ограничивалась сменой религии, требовалась и смена этничности. Надо полагать, что часть христиан Шеки–Кабалинской зоны под давлением османской Турции исламизировались в рамках суннизма, т.е. стали религиозно идентичны с родственными мусульманскими кавказоязычными народами, но в аспекте этноидентичности они подверглись тюркизации. Действительно, этнограф Е. Лалаян, посетив в 1915 г. село Чухур-Кабала, население которого состояло из переселившихся сюда во второй пол. XIX в. последних жителей Кабалы, разрушенной Сефевидами, сообщает, что в деревне проживают «сунниты удинского происхождения» [Лалаян, 1919, с. 41].

Позднее в ходе завоеваний Надир-шаха Афшара (1736–1747) в 1734–1735 гг. из стран Южного Кавказа было уведено в полон огромное количество армян, грузин, а также христианских потомков албан. Борьба дагестанских народов Восточного Кавказа против Надир-шаха приобретала и религиозную окраску – шла под флагом борьбы горцев-суннитов с шиитами [Бакиханов, 1991, с. 138–150].

Католикос Албанский Есаяи Гасан Джалалаян (1702–1729) писал, что сунниты из Кабалы бежали в Дагестан к своим единоверцам, а затем возвращались оттуда, чтобы отомстить при поддержке суннитов-лезгин и ныне «провинция Кабала страны Ширвана находится под властью некоего мелика мусульманского рода из села Гутгашен (Գութղաշեն)». Таким образом, село Гутгашен (в совр. транскрипции Куткашен, ныне город Габала) было одним из первых удинских сел, обитатели которого становились суннитами. Его преемник мелик Маммад «всю Кабалинскую страну забрал в свой кулак и высосал все имущество жителей страны, которая была богатой, благоустроенной и густонаселенной как армянами, выходцами из Карабахской страны...» [Есаяи, 1868, с. 26–27].

С точки зрения местного христианского населения Шаки–Кабала одним из таких преступников был известный Хаджи Челеби, по одной из родословных – сын исламизированного христианина, в 1747 г. убивший шекинского мелика, завладевший Шеки и основавший Шекинское ханство [Бакиханов, 1991, с. 149]. По местным преданиям, его отец, родом из удинского села Куткашен, принял шиизм, т.е. религию сефевидской власти, а его сын Хаджи Челеби, став ханом (1743–1755), насильно исламизировал христианское население Шекинского ханства. О Шеки архиепископ Саргис Джалалаянц (1819–1879) писал: «Это уезд Албанского мира (страны), а какое-то время – Утика... О населении Шеки рассказывают, что армянин по имени Хаджи Челепи и его отец Кара Кешиш приняли мусульманство..., затем разными способами – насилием, запугиванием, лживыми обещаниями, тяжелыми поборами, сажанием в темницу заставили более чем 14.000 семей принять персидскую веру» [Джалалаянц, 1858, с. 368] (по Бархутарянцу – 15.480 семей [Бархутарянц, 1893, с. 229; 1999, с. 147–148], по Г. Овсепяну – 74.000 человек [Овсепян, 1904, с. 64]). Это значит, что после исламизации 1724–1725 гг. (см. выше) в области Шаки оставалось довольно большое количество христиан, в основном удин, и значительное изменение этноконфессионального состава коренного населения региона происходило в течение XVIII в. Причем во время

правления Хаджи Челеби они становились шиитами, и это, кажется, первый засвидетельствованный случай массовой шиизации восточно-кавказских народов.

Учитывая, что данный виток исламизации сопровождался сменой этничности – тюркизацией, приходится говорить о процессе изменения всего этно-конфессионального облика региона и сильного оскудения последних носителей албанской идентичности, если даже не на уровне их самосознания, то на первых порах официальным признанием их тюрками, в российской этно-номенклатуре – «татарами». Например, в «Описании Шекинской провинции» 1819 г. татарскими названы такие известные в начале XIX в. удинские поселения, как Киш, Зягзит, Кюнгют, Мухас, Малух, Варташен, Орабан, Зараган, Куткашен, Бум, Чюхуркабала, Тоссык, Тиканни, Нидж, Меглы Куах и др., в т.ч. и армянские деревни Джалут, Неимад-абад (названия сел приводятся в правописании источника: [*Описание Шекинской провинции*, 1866, с. 11, 13, 14, 16, 36, 61, 77, 79]). В данном источнике татарскими представлены также некоторые хапутлинские поселения – Беюк Гапуты, Кичик Гапуты, Гапуты [*Описание Шекинской провинции*, 1866, с. 23, 24, 77].

Сложные этно-конфессиональные процессы отразились, естественно, также на основных маркерах идентичности. В армянских и удинских письменных источниках XIX в. для обозначения удин и социо-культурно-географического пространства их обитания (Нухинского [Шаки] уезда) фигурируют формулировки: «*նւնիւցնց երկրի նւնիւիւնս և թրքիւնս հայեր*» [«утиязычные и тюркоязычные армяне страны утийцев»], «остатки албан – утийцы», «коренные», «коренные жители», «жители коренные, из племени утийцев», «коренные жители страны утийцев», «утийский армянин», «*հայ-удի*», а само место обитания удин – «Утийский мир», «Утийская страна». Подобные выражения – «утиязычные и тюркоязычные армяне страны утийцев», села «утиязычного и тюркоязычного Утийского мира», «тюркоязычные села», «тюркоязычные армяне» и т.д. – широко представлены в книге удина по происхождению и самосознанию Газара Овсепяна [Овсепян, 1904, с. 15, 25, 47–48]. Он же описывает паломничества удин к наиболее почитаемым и любимым местам, связанным с апостолом Египше: «В дни Пятидесятницы после Пасхи из разных краев *Утийской страны* [здесь и далее выделено курсивом мной. – Г.Х.] толпами шли паломники, как истинные лусаворчаканы [григориане], так и отуреченные из *хайев* [армян] мусульмане» [Овсепян, 1904, с. 43]. Исламизированных удин Г. Овсепян называет «турками», например, в названии последних двух глав своей книги: «Следы язычества у армян и турок Утийской страны», «Турки мусульмане в Утийской стране», и жалуется на недружелюбное отношение турок (исламизированных «утийских армян») к христианам. Исламизированные удины становились не «утийскими турками», а «турками в утийской стране». Перечисляя более 40 исламизированных и отюреченных к началу XX в. удинских поселений, Г. Овсепян констатирует: «Теперь исключительно утиязычное население армянской веры осталось в больших поселениях Вардашен и Ниж... тюркоязычное армянской веры есть в деревнях Джоруллу, Мирзабейлу, Султан-Нухи, Варданлу, Падар и т.д., и т.д.» [Овсепян, с. 11–12].

Слово «*հայ*» [армянин] в «Утийском мире» в подаче Г. Овсепяна адресован исключительно к этническим удинам-григорианам. Лишь один раз он говорит об этнических армянах в зоне расселения удин: «В стране утийцев, – пишет он, – есть приблизительно три тысячи армянских семей, которые в разное время переселились со стороны Арцаха, Хоя, Тегерана, Испагана, которые разговаривают на принесенных ими армянских диалектах и которые со стороны местных называются горскими армянами (*даглы эрмани*). Горские армяне проживают на холмах и в долинах гор южной стороны Нухи» [Овсепян, 1904, с. 90].

Армянские авторы более осмотрительны. Ни С. Джалалянц, ни М. Бархутарянц удин армянами не называют. М. Бархутарянц ограничивается словами «коренные», «из племени утийцев», «по нации утийцы», «утийцы армянской веры». Он, например, пишет,

что в селе Султан-Нухи: «жители коренные, из племени утийцев, но говорят по-тюркски» [Бархутарянц, 1893, с. 241]; в селе Падар «большая часть жителей магометане... Имеется очень большое и старое кладбище утийцев армянской веры» [Бархутарянц, 1893, с. 245]; в селе Варташу «жители тюркоязычны, коренные, местные и по нации утийцы» [Бархутарянц, 1893, с. 245]; о селах Джоурлу и Мирзабейлу он ограничивается сообщением, что «жители коренные и тюркоязычные» [Бархутарянц, 1893, с. 244]. В данном случае для обозначения удин используется иной идентификационный компонент – «коренной». Язык и понятие «коренной» являются основными идентификаторами также для А. Арасханианца: «Армяно-григорианское население Нухинского уезда не отличается однородностью по племенному происхождению, языку и историческим судьбам. Коренными армянами в уезде являются удины, говорящие на своеобразном языке» [Арасханианц, 1887, с. 19–20].

Изобилие маркерных вариаций «армянин» не привело к смене или трансформации этнонима *ути/уди*. Христиане-удины в своих внутренних отношениях себя «армянами» (а также «грузинами») не называли. Внутри они употребляли этноним *ути*. Удины, последователи армяно-григорианской церкви нередко употребляли также термин *кистон* (*pʁunn/gshon*). Е. Лалаян заметил, что из числа удиязычного населения последователи григорианского исповедания в Нидже и Варташене сами себя называли *ути* или *кистон* и только чужим представлялись как *хай* или *эрмани*. Православные «грузинские удины» (халкидониты) *кистонами* не назывались [Лалаян, 1926, с. 6]. Камал Саргис, работавший учителем в Нидже в 1890-х гг. замечал, что «ниджцы вместо того, чтобы говорить христианин, называли себя кштон» [Саргис, б/г, с. 51]. А. Ширвани, первая получившая образование женщина-удинка из Ниджа, тоже писала: «В Нидже живут утины или утийцы (сами себя называют кштоны (*pʁunn/qshon*), что, наверное, означает христиане. Кроме утийцев в Нидже живут также азербайджанцы (которых в досоветское время называли турками, утийцы их называют тажиками [*ʃəʃhɬj*])... В Нидже были и есть также несколько семей армян – переселенных из соседних армянских селений... Утийцы армян зовут армин» [Ширвани, б/г, с. 53–54].

Интересно, что Г. Овсепян слово *кистон* из удинского на армянский переводит как *хай* – «армянин» [Овсепян, 1904, с. 60], в отличие от Е. Лалаяна, К. Саргиса и А. Ширвани, которые обозначали этим термином удин-христиан, последователей армяно-григорианского вероисповедания. Армян удины называли и называют не эндоэтнонимом *хай*, а вариациями экзоэтнонима «армянин», в Нидже – *арми/армин*, в Варташене – *армеин*. Армянский народ на удинском языке будет *армеин азуки* [*азуки* происходит, очевидно, от арм. *ազգ* – «род, племя, нация». – Г.Х.], армянский язык – *армеинун муз* [Гукасян, 1974, с. 47, 63]. В «Удинско-азербайджанско-русском словаре» В. Гукасяна слово *кистон* не представлено. Этимология этого слова не ясна.

Мои православные респонденты-удины из Варташена в 1986 г. сообщали, что *кистон*-ы – это удины-григориане и армяне, т.е. *кистон* – религиозная общность, в данном случае – совокупность придерживающихся армяно-григорианской веры удин и армян. Тем самым термин *кистон* у удин был синонимом, заменителем арм. *лусаворчакан* (от арм. *լուսավորիչ* *лусаворич* – просветитель), который по содержанию синонимичен слову «григорианин» в иноязыковой среде и объединял удин («утиязычных» и «тюркоязычных» удин армянской веры) и армян-григориан, но не включал удин-халкидонитов (*гюрджи уди*). Думается, в удинском восприятии слово *кистон* был идентично общему *лусаворчакан* (надгрупповой уровень), имеющему два этнических композита – удинский и армянский. Употребляемое в просторечье слово *кистон* в официальных или формальных условиях, особенно в письменной речи, заменялось словом *лусаворчакан*. Такое восприятие можно обнаружить по надписям эпитафий в селе Нидже. На могильном камне 1834 г. эпитафия сообщает, что здесь покойся «слуга Христа из утиязычного племени армянского вероисповедания лусаворча-

кан» (ՈՒՏԻԱԽՆՈՍ ՑԵՂԻՍ ԾԱՌԱՅ ԶԻ ՀԱՅ ԼՈՒՍԱՎՈՐԻՉ ԱՐՄԵՆ ՏԱՎԱՆՈՂԻՍ). На кладбище квартала Дарамахла села. Нидж на надгробии 1877 г. читаем, что там покоится ниджский князь «из утиязычного племени из нации лусаворича [просветителя]» (ԱՉԱԿԻ ԼՈՒՍԱՎՈՐԻՉԻՆ ՈՒՏԻԱԽՆՈՍ ՑԵՂԻՆ). Выражение «из нации лусаворича» указывает, как представляется, на «этнизацию» религиозной общности *лусаворчакан* – удин и армян, иначе говоря, *кистон*-ов, «григориан». На могильном камне 1881 г. некоего Саргиса записано, что он «из армянского вероисповедания лусаворчакан» (Ի ՀԱՅՈՑ ՏԱՎԱՆՈՒԹԵՆԵՆ ԼՈՒՍԱՎՈՐԶԱՎԱՆ). Оба выражения существенно отличаются друг от друга. Если первое определение («из утиязычного племени из нации лусаворича») представляет часть целого – этноконфессиональную группу удин, то второе – относится исключительно к религии и может употребляться по отношению к любому из *лусаворчакан*, т.е. к любому человеку армяно-григорианского вероисповедания вне зависимости от его этнической принадлежности.

В бытность автора в Нидже в 1986 г. во дворе церкви Св. Богородицы находились надгробия, на одном из которых, датированном 1877 г., эпитафия сообщала, что там покоится некий Галуст из «утиязычной нации» (ՅԱԶԳԵ ՈՒՏԻԱԽՆՈՍ). Другая эпитафия сообщает, что здесь покоится ниджский князь Маркос Агаджанян из «утиязычного племени нации армянского вероисповедания лусаворич» (ՈՒՏԻԱԽՆՈՍ ՑԵՂԻՍ ԱԶԳԱԻ ՀԱՅ ԴԱԲԱՆՈՂ ԼՈՒՍԱՎՈՐԻՉԻՍ). Здесь мы имеем дело с разными индикаторами: один из них – языковая принадлежность («утиязычный»), другой – этническая принадлежность («утиязычного племени»), третий – конфессиональная принадлежность («нации армянского вероисповедания лусаворич», т.е. «лусаворчакан» или армяно-григорианский). Вместе с тем в этой эпитафии наблюдается явление этнического смешения на почве религиозной общности. Необходимо отметить, что эпитафии нередко ограничивались только этнонимом *ути* без акцента на вероисповедание или язык, как, например, на надгробии 1872 г. во дворе церкви квартала Хожабайли в Нидже – «князь ути по имени Галуст», строивший, по сообщению надписи, данную церковь. И, конечно же, большинство из эпитафий не содержат информацию об этнической, языковой и конфессиональной принадлежности, но сам факт наличия такой информации на некоторых удинских эпитафиях указывает на важность для удин передачи таких сведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ал-Мукаддаси, Шамс ад-Дин. Лучшее разделение для познания климатов. Пер. В.М. Бейлиса. *Восточное историческое источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. 2. М.: Наука, 1994. С. 282–309 [Al-Muqaddasi, Shams ad-Din. The Best Divisions for Knowledge of the Regions. Translated by V.M. Beilis. *Eastern Historical Source Study and Auxiliary Historical Disciplines*. Issue 2. М.: Nauka, 1994. Pp. 282–309 (in Russian)].

Акопян А. *Албания-Алуанк в греко-латинских и древнегреческих источниках*. Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1987 [Hakobyan A. *Albania-Aluank in the Greek-Latin and Ancient Greek Sources*. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of Arm. SSR, 1987 (in Russian)].

Акопян А.А. К хронологии завершения этноконсолидации удинов и лезгин (период ослабления Арабского халифата). *Albania Caucasia*. Вып. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 129–147 [Hakobyan A.A. A Chronology of the Process of Consolidation of Udis and Lezgins (During the Decline of the Arab Caliphate). *Albania Caucasia*. Issue 1. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2015. Pp. 129–147 (in Russian)].

Аликберов А.К. Народы и языки Кавказской Албании. О языковом континууме как альтернативе койне. Язык письменности и «язык базара». *Albania Caucasia*. Вып. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 81–116 [Alikberov A.K. Peoples and Languages of Caucasian Albania. The Language Continuum as an Alternative

for Koine. Language for Writing and “Language for the Bazaar”. *Albania Caucasica*. Issue 1. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2015. Pp. 81–116 (in Russian)].

Алишан, Гевонд. *Топографическое описание Великой Армении*. Венеци: Св. Лазарь, 1855 [Alishan, Ghevond. *Topographic Description of Greater Armenia*. Venice: San Lazzaro, 1855 (in Armenian)].

Анания, Католикос армян. О восстании дома Албании, [о том, что] время от времени рукоположение [албанского Католикоса] происходило вне престола Святого Просветителя. *Апарат*. 1897. № 3. С. 124–144 [Anania, Catholicos of Armenians. On the Uprising of the House of Albania, [about the fact] that from Time to Time the Ordination of [the Albanian Catholicos] Would Take Place Outside the Holy See of Gregory the Illuminator. *Ararat*. 1897. No. 3. Pp. 124–144 (in Armenian)].

Аракелян (Харатян) Г. Почитание Египце Аракела среди удин и к вопросу локализации провинции Ути. *Вестник общественных наук АН РА*. 1991. № 6. С. 69–86 [Araqelyan (Kharatyan) H. Worship of Apostle Elishe Among the Udis and Locating of Uti Gavar. *Herald of Social Sciences, NAS RA*. 1991. No. 6. Pp. 69–86 (in Armenian)].

Арасханянц А.Н. Экономический быт государственных крестьян Нухинского уезда, Елисаветпольской губернии. *Материалы для изучения экономического быта Государственных крестьян Закавказского края*. Т. VI. Ч. I. Тифлис, 1887 [Araskhanianc A.N. Economic life of the State Peasants of the Nukhinsky District, Elisavetpol Province. *Materials for the Study of the Economic Life of the State Peasants of the Transcaucasian Region*. Vol. VI. Part I. Tiflis, 1887 (in Russian)].

Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Сборник документов. Т. 2. Ч. 2. Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1967 [Armenian-Russian Relations in the First Third of the 18th Century. Collection of Documents. Vol. 2. Part 2. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1967 (in Russian)].

Бакиханов, Аббас-Кули-Ага. Гюлистан-и Ирам. Редакция, комментарии, примечания и указатели З.И. Буниятова. Баку: Элм, 1991 [Baqikhanov, Abbas-Quli-Agha. Gyulistan-i Iram. Edition, Comments, Notes and Indices by Z. Bunyatov. Baku: Elm, 1991 (in Russian)].

Балаян М.Г. Антипрестольный албанский католикосат в Ч'алет'е (XV в.). *Albania Caucasica*. Вып. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 252–260 [Balayan M.G. The Anti-throne Albanian Catholicosate in Ch'alet' (XV Century). *Albania Caucasica*. Issue 1. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2015. Pp. 252–260 (in Russian)].

Бархутарянц М. Страна Алуанк и соседи. Тифлис, 1893. 2-е изд.: Страна Алуанк и соседи. Арцах. Ереван: Гандзасар, 1999 [Barkhutariants M. *The Land of Aluank and the Neighbours*. Tiflis, 1893. Reprint: *The Land of Aluank and the Neighbours*. Artsakh. Yerevan: Gandzasar, 1999 (in Armenian)].

Гукасян В. Удино-азербайджанско-русский словарь. Баку: Элм, 1974 [Ghukasyan V. *Ydi-Azerbaijani-Russian Dictionary*. Baku: Elm, 1974 (in Russian)].

Гукасян В.Л. Кавказский языковой ареал и вопрос субстрата. *Лингвистическая география и проблема истории языка*. Ч. 1. Нальчик, 1981. С. 101–108 [Ghukasyan V.L. Caucasian Linguistic Area and the Issue of Substratum. *Linguistic Geography and the Problem of the History of Language*. Part 1. Nalchik, 1981. Pp. 101–108 (in Russian)].

Джалалянц С. Путешествие по Великой Армении. Т. 2. Тпхис, 1858 [Jalalyants S. *A Trip to Great Armenia*. Part 2. Tphkhis, 1858 (in Armenian)].

Драсханакертци, Иованнес. История Армении. Пер. с древнеарм., вступ. ст. и коммент. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван: Советакан грох, 1986 [Draskhanakertsi Iovannes. *History of Armenia*. Transl. from the Ancient Armenian, Introduction and Commentary by M.O. Darbinyan-Melikyan, Yerevan: Sovetakan Grokh, 1986 (in Russian)].

Есайи, Католикос Агванский из Гасан Джалалянов. Краткая история страны Агванк. Иерусалим: Типография Апостольского престола святого Иакова, 1868 [Esayi Hasan Jalalyan. *A Brief History of the Country Aghuank*. Jerusalem: Printing House of the Apostolic Throne of St. Hakob, 1868 (in Armenian)].

Каланкатуаци, Мовсэс. *История страны Алуанк*. Перевод с древнеарм. Ш.В. Смбатяна. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1984 [Kalankatuatsi, Movses. *History of the Country Aluank*. Transl. from the Ancient Armenian by Sh.V. Smbatyan. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of Arm. SSR, 1984 (in Russian)].

Карапетян А. Слова «Чагаг», «Чала» и их топонимические приминения. *Историко-филологический журнал*. 1982. № 2. С. 153–161 [Karapetyan H. Words “čalag”, “čala” and Their Application in Toponymy. *Patma-banasirakan handes (Historical-Philological Journal)*. 1982. No. 2. Pp. 153–161 (in Armenian)].

Крымский А. *Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании), Шеки*. Памяти академика Н.Я. Марра. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1938. С. 369–384 [Krymskiy A. *Pages from the History of Northern or Caucasian Azerbaijan (Classical Albania), Sheki*. In Memory of Academician N.Ya. Marr. Moscow–Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1938. Pp. 369–384 (in Russian)].

Лалаян Е. Раскопки в сел. Нидж и Варташен Нухинского уезда. *Известия Кавказского отдела Московского археологического общества*. Вып. 5. Тифлис, 1919. С. 37–47 [Lalayan Ye. Excavations in the Village Nij and Vartashen of the Nukhinsky District. *Izvestiya Kavkazskogo otdela Moskovskogo arkhеologicheskogo obshestva*. Issue 5. Tbilisi, 1919. Pp. 37–47 (in Russian)].

Лалаян Е. *Удины Ниджа и Вардашена с этнографической точки зрения*. Ереван, 1926 [Lalayan Ye. *The Udins Nizh and Vardashen from an Ethnographic Point of View*. Yerevan, 1926 (in Armenian)].

Летопись Картли. Перевод Г.В. Цулая. Тбилиси: Мецниереба, 1982 [Chronicle of Kartli. Transl. by G.V. Tsulaya. Tbilisi: Metsniereba, 1982 (in Russian)].

Марр Н. Аркауань, монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах-халкидонитах. *Византийский временник*. Т. XII. СПб., 1906. С. 1–68 [Marr N. Arkaun, Mongolian Name for Christians, in Connection with the Question of the Chalkedonite-Armenians. *Byzantina Xronika*. Vol. XII. St. Petersburg, 1906. Pp. 1–68 (in Russian)].

Меликсет-Бек Л. *Грузинские источники об Армении и армянах* Т. 1 (5–12 вв.). Ереван, 1934 [Melikset-Beck L. *Georgian Sources about Armenia and Armenians*. Vol. 1 (5th–12th Centuries). Yerevan: Melkonyan Foundation, 1934 (in Armenian)].

Минорский В.Ф. *История Ширвана и Дербента в X–XI веков*. М.: Издательство восточной литературы, 1963 [Minorsky V.F. *History of Shirvan and Derbent in the 10–11th centuries*. Moscow: Publishing House Eastern Literature, 1963 (in Russian)].

Мурадян П.М. Христианские древности грузино-армяно-Дагестанской контактной зоны в начале XIV века. *Albania Caucasica*. Вып. I. М.: ИВ РАН, 2015. С. 236–237 [Muradyan P.M. Christian Antiquity in the Georgian-Armenian-Dagestani Contact Zone at the Beginning of the 14th Century. *Albania Caucasica*. Issue I. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2015. Pp. 236–237 (in Russian)].

Овсепян Г. *Очерки об утийских и мусульманизированных армянах*. Тпхис, 1904 [Hovsepyan Gh. *Essays on Utia and Muslim Armenians*. Tphkhis, 1904 (in Armenian)].

Описание Шекинской провинции, составленное в 1819 г. генерал-майором Ахвердовым. Тифлис, 1866 [Description of the Sheki Province, Compiled by Major General Akhverdov in 1819. Tbilisi, 1866 (in Russian)].

Памятник Католикоса Симеона. Диван истории армян. Т. 3. Подготовил к изданию с биографией и комментариями Гют Аганянц. Тифлис: Типография Шарадзе, 1894 [Catholics Simeon's Memoires. Divan of Armenian History, Vol. 3. With Biography and Appendices and Acquaintances, Was Published by Priest Gyut Aghanians. Tiflis: Tipografiya Sharadze, 1894 (in Armenian)].

Петрушевский И.П. *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв.* Л.: Издательство ЛГУ, 1949 [Petrushevsky I.P. *Essays on the History of Feudal Relations in Azerbaijan and Armenia in the 16th – Early 19th Centuries*. Leningrad: Izdatelstwo LGU, 1949 (in Russian)].

Саргис, Камал. *Об обычаях, праздниках и быте удинского села Нидж*. Рукопись в Матенадаре им. Маштоца, архив Сенекерима Тер-Акопяна, папка 72 [Sargis, Kamal. *About the Habits, Holidays*

and Life of the Village of Udian Nizh. Manuscript. Archive of Matenadaran Names in Mastots. Senekerim Ter-Akopyan's Fund, Folder 72 (in Armenian)].

Тер-Гевондян А. Замечания о слове «Востикан». *Patma-banasirakan handes (Историко-филологический журнал)*. Ереван, 1962. №. 4. С. 243–248 [Ter-Ghondyan A. Remarks about the word “Vostikan”. *Patma-banasirakan handes (Historical-Philological Journal)*. Yerevan, 1962. No. 4. Pp. 243–248 (in Armenian)].

Харатян Г. *Апостол Египте и его миссия*. Армянские святые и святыни. Ереван: Айастан, 2001. С. 49–61 [Kharatyan H. *Apostle Eglishe and his Mission. Armenian Saints and Saint Places*. Yerevan: Hayastan, 2001. Pp. 49–61 (in Armenian)].

Харатян Г. К вопросу об апостоле Египте, Григорисе и христианизации Кавказской Албании (По поводу публикации рукописи кавказско-албанского алимписеста). *Bazmavep: Арменоведческий-филологический-литературный журнал*. Том CLXVIII. № 1–2. Венеция, Св. Лазарь, 2010. С. 19–75 [Kharatyan H. Touching upon the Issues of Yeghishe the Apostle, Grigoris and the Christianization of the Caucasian Aghvank (Albania) (in Connection with the Publication of the Caucasian Albanian Palimpsest). *Bazmavep (Polyhistory)*. Armenological and philological-literary journal. Vol. CLXVIII. No. 1–2. Venice: San Lazzaro, 2010. Pp. 19–75 (in Armenian)].

Харатян Г.С. «Алванские этнонимы» армянских источников в современной ономастике лезгиноязычных групп. *Albania Caucasica*. Вып. I. М.: ИВ РАН, 2015. С. 160–172 [Kharatyan H.S. “The Alvan Ethnonyms” from Armenian Sources in the Modern Onomastics of Lezgian-speaking Groups. *Albania Caucasica*. Issue I. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2015. Pp. 160–172 (in Russian)].

Харатян-Аракелян Г. Религия и верования удин в XIX–XX вв. *Handes Amsorya*. Т. CXXIV. Вена–Ереван, 2010. С. 435–495 [Kharatyan-Araqelyan H. Religion and Beliefs of Udis in 19–20th Centuries. *Handes Amsorya (Monthly Review)*. Vol. CXXIV. Vienna–Yerevan: Hayastan, 2010. Pp. 435–495 (in Armenian)].

Чамчянц М. *История Армении с начала мироздания до года Господня 1784*. Т. 3. Венеция, 1786 [Chamcheants M. *History of Armenia, From the Beginning of the World to the 1784*. Vol. III. Venice, 1786 (in Armenian)].

Ширвани А. *Этнографические материалы села Нидж Аз.ССР*. Рукопись в архиве ин-та Археологии и этнографии НАН РА, папка 35 [Shirvan A. *Ethnographic Materials of the Azerbaijani Village of Nizh*. Manuscript. Archive of the Institute of Archeology and Ethnography, National Academy of sciences of Republic of Armenia, folder 35 (in Armenian)].

Эзов Г.А. *Сношения Петра Великого с армянским народом*. Документы. СПб.: Императорская Академия наук, 1898 [Ezov G.A. *Peter the Great's Relations with the Armenian People*. Documents. St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1898 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ХАРАТЯН Грануш Сергеевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения.

Hranush S. KHARATYAN, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnology, National Academy of Sciences of Republic of Armenia, Yerevan, Armenia.